УДК 343

Малышев С.А.

студент

юридический факультет

Московский университет «Синергия»

(г. Москва, Россия)

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ И ДИВЕРСИЯ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПО НАПРАВЛЕННОСТИ УМЫСЛА И ЦЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: *в исследовании был проведен сравнительный анализ составов террористического акта и диверсии, предусмотренных статьями 205 и 281 УК РФ. Цель работы состояла в выявлении юридически значимых критериев разграничения по направленности умысла и специальной цели. Применялись формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Были сопоставлены актуальные уголовно-правовые нормы, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации и научные исследования 2022–2026 годов. Установлено, что сходство способов совершения деяния не позволяет заменять доказательство специальной цели выводом об объективной опасности объекта либо общественном резонансе. Для террористического акта решающее значение имела направленность на дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений, а для диверсии — на подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации. В статье был предложен последовательный алгоритм квалификационной проверки, разграничивающий фактическое действие, объект посягательства, мотив, цель и пределы умысла соучастников. Сформулированы рекомендации по оценке доказательств при наличии альтернативных и смешанных целей. Особое внимание было уделено проверке содержания поручений и переписки, разграничению мотива и цели, а также предотвращению необоснованного переноса умысла организатора на исполнителя. Предложенные критерии были предназначены для мотивированной правовой оценки конкретных доказательств.*

Ключевые слова: *террористический акт, диверсия, специальная цель, направленность умысла, квалификация преступления, субъективная сторона, безопасность государства.*

Введение.

При подготовке исследования была установлена сохраняющаяся научно-практическая значимость разграничения преступлений, предусмотренных статьями 205 и 281 УК РФ. Наличие общих способов — взрыва, поджога и иных опасных действий — создавало риск инерционной квалификации по внешнему сходству. Вместе с тем различались непосредственные объекты посягательства, законодательные конструкции действий и, прежде всего, специальные цели виновного. Проверка этих целей представляла собой центральный вопрос уголовно-правовой оценки. Научная проблема дополнительно усложнялась изменением норм о диверсионной деятельности в 2022–2023 годах и расширенным описанием альтернативных действий в действующей статье 281 УК РФ.

Предметом изучения были нормативные признаки террористического акта и диверсии, доктринальные положения о субъективной стороне преступления и юридически значимые способы доказывания специальной цели. Целью стало выявление надежного алгоритма разграничения. Использовались сравнительно-правовой, формально-юридический, логико-системный методы и критическое сопоставление современных исследований. Эмпирическое обобщение конкретных уголовных дел по закрытым материалам не проводилось, изложенные далее ситуации имели аналитический характер.

Материалы и методы исследования.

Нормативную основу составили статьи 5, 8, 14, 24–30, 205, 281 и связанные с ними нормы УК РФ, Федеральный закон «О противодействии терроризму», положения УПК РФ о предмете доказывания и оценке доказательств. При работе учитывалось постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 в действующей редакции. В методологическом плане разграничивались три уровня анализа: установление фактической модели поведения, выявление юридически значимых признаков составов, определение достаточности доказательств для вывода о специальной цели.

Наряду с нормативными актами были рассмотрены публикации 2022–2026 годов, в которых изучались уголовно-правовое противодействие диверсиям, специальные цели террористических посягательств и вопросы конкуренции норм. Исследования С. В. Иванцова и С. В. Борисова, М. Г. Решняк и З. Х. Боташевой, С. И. Глазырина раскрывали развитие института диверсионной деятельности, работы Я. В. Гармышева и М. Р. Корниенковой с С. Н. Дякиной были использованы для анализа состава террористического акта. Более поздние публикации В. Н. Самсонова и Е. И. Верещагиной и А. А. Цветкова позволили учесть новые споры об отграничении смежных составов. [5, 6, 7, 9, 13, 15, 19].

Под направленностью умысла в данной работе понималась осознанная ориентация поведения лица на определенные общественно опасные изменения, включая связь между намеченным непосредственным результатом и конечной целью, зафиксированной законодателем. Термины «мотив», «цель», «умысел» не отождествлялись. Фактическая цель разрушить предмет не являлась автоматически специальной целью подрыва экономической безопасности, стремление вызвать страх граждан не означало само по себе намерения повлиять на решение государственного органа.

Результаты: нормативная конструкция террористического акта.

В статье 205 УК РФ объективная сторона была описана через совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, при наличии целей дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. Отдельной альтернативой являлась угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений соответствующими органами или организациями. Это различие форм деяния важно сохранять: формулировка цели при угрозе не полностью тождественна описанию целей при совершении действий.

Целевой элемент носил обязательный характер и не сводился к объективно возникшей тревоге населения. Устрашающий эффект раскрывал особенность внешней стороны соответствующего варианта террористического акта, однако не заменял специальную направленность на властные или международные институты. Правоприменителю требовалось установить, каким образом виновный связывал совершение действий с дестабилизацией деятельности этих институтов или воздействием на их решения. Такое воздействие могло выражаться в предъявленных требованиях, ожидаемом принуждении, целенаправленно выбранных обстоятельствах и иных подтвержденных фактах. [3, 5, 9].

В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 рекомендовалось оценивать совокупность обстоятельств, предшествующее преступлению и последующее поведение лица, конкретное время, место, способ и последствия. Этот подход служил методологическим ориентиром для поиска доказательств цели. При этом выраженные требования нельзя считать единственным возможным доказательством: их отсутствие не освобождало от анализа других сведений, но и не позволяло презюмировать террористическую направленность из одного общественного резонанса.

Результаты: нормативная конструкция диверсии.

Статья 281 УК РФ размещена в главе 29, охраняющей основы конституционного строя и безопасность государства. В действующей диспозиции в качестве альтернатив названы взрыв, поджог или иные действия, направленные на разрушение либо повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения, либо на причинение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды. Для квалификации требовалась специальная цель подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации. Эти две разновидности конечной цели сформулированы как альтернативные и допускающие сочетание.

Законодатель употребил конструкцию действий, «направленных» на причинение предусмотренного вреда. Поэтому оценка не ограничивалась наступившим результатом, предметом проверки становились характер совершенного действия, его направленность и намерение добиться соответствующего результата. При этом цель, предусмотренная в заключительной части диспозиции, являлась самостоятельным субъективным признаком. Причинение материального ущерба государственному объекту, вывод его из строя или нарушение работы предприятия сами по себе не доказывали, что лицо стремилось подорвать безопасность экономики либо оборонный потенциал страны.

Отдельного внимания заслуживало изменение законодательства. Формирование статей 281.1–281.3 УК РФ расширило систему уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности. Одновременно возросла актуальность разграничения содействия диверсии и содействия террористической деятельности, поскольку структурное сходство вспомогательных составов могло маскировать различие целей основного преступления. Рассматривая соответствующие нормы, необходимо было отделять действия исполнителя от действий лица, оказывающего помощь, и устанавливать содержание осведомленности последнего о назначении этой помощи. [6, 7, 13].

Результаты: разграничение цели и мотива.

Главное различие исследованных составов проявилось не в том, что один способ был «публичным», а другой «тайным». Взрыв, поджог или иное опасное действие могли совершаться скрытно либо открыто независимо от их уголовно-правовой природы. Не имело решающего значения и то, был ли непосредственным предметом посягательства транспортный объект, здание или участок инфраструктуры, если соответствующий предмет потенциально подпадал под признаки обоих составов. Решающим являлось то, ради какого предусмотренного законом результата действовал виновный и каким образом

этот результат был связан с охраняемыми общественными отношениями. [15, 18].

Мотив определял побуждение к преступлению: корысть, месть, идеологические установки, подчинение чужому распоряжению, желание получить признание. Специальная цель отвечала на иной вопрос: какого конечного изменения в общественных отношениях лицо добивалось совершением конкретных действий. Мотив мог сочетаться с любой из специальных целей, но не заменял ее. Поэтому формула «действовал за деньги — значит, не было политической цели» была бы ошибочной, столь же ошибочной являлась обратная формула «выразил антивластные взгляды — значит, совершил террористический акт». В каждом случае требовалось самостоятельное доказательство целевой направленности.

Для диверсии необходимо было подтвердить намерение подорвать экономическую безопасность и (или) обороноспособность страны. Прямое указание на это в переписке или поручениях являлось потенциально существенным, но подлежало проверке на подлинность и связь с конкретными действиями. Для террористического акта необходимо было подтвердить намерение дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций либо воздействовать на их решения. Высказывания, требования, символические обстоятельства совершения, выбор времени и места также оценивались комплексно, а не механически.

Обсуждение: пограничные ситуации и доказательства.

Первая типовая ситуация касалась повреждения участка транспортной инфраструктуры в обмен на вознаграждение. Из одного факта получения денег и выбора объекта нельзя было сделать надежный вывод ни о наличии, ни об отсутствии специальных целей. Требовалось выяснить содержание поручения, знание лица о назначении объекта, предполагаемые последствия, характер подготовки, общение с организаторами и связь выбранного действия с функционированием экономики или оборонной логистики. Если было доказано

лишь намерение причинить ущерб конкретному имуществу, квалификация по статье 281 УК РФ не могла строиться на предположении о специальной цели.

Во второй ситуации лицо совершало общеопасное действие и одновременно адресовало государственному органу требование изменить конкретное решение. При наличии обязательных объективных признаков террористического акта обращение к властям могло подтверждать намерение оказать воздействие на принятие решений. Вместе с тем сам факт требования не освобождал от проверки его реальности, времени предъявления и связи с совершенным действием. Особое значение имела фиксация того, кто являлся адресатом требования и какое именно решение виновный намеревался изменить.

В третьей ситуации повреждение стратегически значимого сооружения сопровождалось сообщением о намерении нанести ущерб оборонной логистике и добиться изменения решения органа власти. Теоретически одновременно могли присутствовать признаки двух специальных целей. Вопрос о квалификации по совокупности требовал тщательной проверки: необходимо было установить самостоятельность каждого охраняемого интереса, наличие всех обязательных признаков обоих составов и отсутствие искусственного дублирования одной и той же уголовно-правовой оценки. Утверждение о совокупности не выводилось автоматически из наличия двух фраз в переписке. [15, 18].

Четвертая ситуация относилась к использованию третьего лица, которое не разделяло исходные цели организатора или не знало о них. Действия исполнителя и каждого соучастника анализировались индивидуально. Установление целевой направленности организатора не означало автоматически, что такой же умысел был у исполнителя. Доказательственная задача заключалась в выяснении осведомленности каждого участника, согласованности действий и пределов его умысла. Этот вывод приобретал значение и при применении статей об отдельных формах содействия диверсионной либо террористической деятельности.

Обсуждение: алгоритм уголовно-правовой квалификации.

По результатам сопоставления был сформулирован алгоритм, состоящий из семи последовательных проверок. На первом этапе уточнялось фактически совершенное действие: его физические признаки и реальная направленность. На втором — устанавливался предмет воздействия и его роль в соответствующих общественных отношениях. На третьем — проверялось наличие объективных признаков статьи 205 УК РФ, включая устрашающий характер действий и предусмотренную законом опасность. На четвертом — исследовались альтернативные действия, охваченные статьей 281 УК РФ, в их действующей редакции. На пятом — отдельно устанавливалась специальная цель террористического акта, на шестом — специальная цель диверсии. На седьмом — разрешался вопрос о квалификации одного или нескольких преступлений и правовой оценке действий соучастников.

Каждый этап предполагал опору на доказательства, отвечающие процессуальным требованиям относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности — достаточности. Нельзя было восполнить пробелы в установлении цели ссылкой на общий общественный фон, сообщения СМИ о резонансе происшествия или экспертную оценку важности объекта без анализа осознанной направленности поведения конкретного лица. Формально-юридический метод здесь сочетался с требованиями уголовно-процессуального доказывания: целевые признаки состава преступления были предметом доказывания, а не предположением следствия.

Данный алгоритм не предназначался для подмены всестороннего исследования фактов. Его назначение заключалось в предотвращении типовых ошибок: отождествления мотива и цели, переноса цели организатора на исполнителя, признания диверсией любого повреждения инфраструктуры, признания террористическим актом любого публично опасного события, игнорирования изменения законодательной диспозиции, необоснованного вменения совокупности статей 205 и 281 УК РФ.

Заключение.

Проведенное исследование подтвердило, что наиболее надежным критерием разграничения террористического акта и диверсии являлась специальная цель, исследованная в связи с направленностью умысла и юридической природой охраняемых отношений. Для статьи 205 УК РФ таким признаком выступали цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, для статьи 281 УК РФ — цель подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации. Близкие способы преступного действия не делали составы тождественными.

В результате были выделены доказательственные критерии, препятствующие объективному вменению: выяснение содержания поручений и требований, целей каждого участника, роли объекта в системе безопасности, содержания подготовительных действий, поведения лица до и после события и иных относимых сведений. Был предложен последовательный алгоритм проверки двух составов, учитывающий изменившуюся редакцию статьи 281 УК РФ. Научно-практическая ценность полученных выводов заключалась в возможности более точно разграничивать уголовно-правовые запреты при сохранении индивидуального подхода к оценке обстоятельств дела.

Практическое значение полученных критериев.

Доказательственный подход позволял отделить сведения о техническом назначении объекта от сведений о субъективном отношении лица к этому назначению. Экспертные материалы могли устанавливать, что определенное повреждение нарушало работу транспорта, связи или энергетического комплекса. Однако оценка того, преследовал ли виновный специальную цель, оставалась юридическим вопросом и должна была опираться на исследование всего комплекса доказательств. Техническое заключение нельзя было считать самостоятельным подтверждением направленности умысла на подрыв обороноспособности государства.

В рамках применения статьи 205 УК РФ аналогичный подход требовал различать опасность наступления массовых последствий, устрашающее свойство действия и адресность специальной цели. Первые два элемента характеризовали объективную сторону, последний относился к субъективной. Если следователь или суд подменял последний первым, возникал риск распространительного толкования уголовного закона. Напротив, чрезмерно узкое понимание цели только как письменно предъявленного ультиматума также являлось неоправданным, поскольку Пленум Верховного Суда прямо указывал на необходимость оценки всей совокупности фактов.

Для изучения альтернативных версий квалификации существенной стала временная последовательность. В отдельных обстоятельствах первоначальное намерение причинить имущественный ущерб могло в дальнейшем измениться, а намерение воздействовать на властные решения — возникнуть до начала действий или непосредственно в ходе их подготовки. Юридическая оценка требовала установления, существовала ли соответствующая цель в момент совершения деяния, охватывала ли она фактические действия лица и в какой мере изменение плана было подтверждено объективными данными. Позднее политическое заявление не являлось безусловным свидетельством изначальной террористической цели.

Из анализа также следовало, что раскрытие мотива имело вспомогательное доказательственное значение. Денежная заинтересованность не исключала осознанного принятия диверсионной задачи, если исполнитель понимал, какие последствия должны были быть достигнуты ради подрыва безопасности государства. С другой стороны, исполнение оплаченного поручения без достаточных данных о специальной цели не давало оснований механически приписать ему намерение организатора. Вопрос о пределах умысла сохранял самостоятельность и применительно к квалификации действий соучастников.

Результаты исследования имели значение для организации правовой аргументации. Вместо общей ссылки на «террористическую» либо

«диверсионную» обстановку требовалось формулировать отдельные тезисы: какое действие установлено, какой признак объективной стороны подтвержден, какая цель предусмотрена диспозицией, какие конкретные доказательства подтверждают ее наличие и какие альтернативные объяснения опровергнуты. Такая структура позволяла сделать квалификационный вывод проверяемым и соответствующим презумпции невиновности.

Разграничение рассматривалось и в контексте изменений уголовно-правовой политики. Развитие самостоятельных составов содействия диверсионной деятельности усилило значение точного определения направленности основного преступления. Необходимо было избегать переноса уголовно-правовой оценки с основного исполнителя на содействующее лицо без учета содержания его умысла. В специальных составах законодатель может устанавливать особые признаки субъективной стороны, потому каждую норму следовало читать в собственной редакции, а не по аналогии с конструкцией сходного состава.

С учетом проведенной работы перспективным направлением дальнейшего исследования было признано систематическое изучение опубликованных судебных актов по статьям 205 и 281 УК РФ с раздельным кодированием доказательств специальной цели. Такая работа могла бы установить устойчивые мотивировочные модели судебных решений и проверить, насколько предложенный алгоритм способствует единообразию квалификации. В настоящем исследовании эмпирическая база такого объема не формировалась, поэтому количественные выводы о распространенности судебных ошибок не делались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахъядов Э.С.-М. Объективные и субъективные признаки преступлений террористического характера: теоретико-правовой анализ // Научный бюллетень Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2025. https://doi.org/10.36684/118-2025-2-6-129-132
2. Балиев У.К. Проблемы определения признака «финансирование» применительно к отдельным видам преступной деятельности в российском уголовном законодательстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. URL: https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-152-157
3. Благодатин А.Б. Проблемы, связанные с определением момента окончания делинквентного поведения, закрепленного в диспозиции части 1 статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. URL:
4. Волков Н.Г., Сушина Т.Е. Проблемы квалификации и доказывания содействия диверсионной деятельности // Российский судья. 2026. URL: https://doi.org/10.18572/1812-3791-2026-10-28-32
5. Гармышев Я.В. Некоторые вопросы совершенствования правовых норм в реализации уголовно-правового механизма противодействию террористическому акту // Искусство правоведения. 2025. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sovershenstvovaniya-pravovyh-norm-v-realizatsii-ugolovno-pravovogo-mehanizma-protivodeystviyu-terroristicheskomu
6. Глазырин С.И. Преступления диверсионной направленности: новый подход в области обеспечения экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации на современном этапе // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. URL:
7. Иванцов С.В., Борисов С.В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. URL:
8. Игнатенко Е.А., Смыслова В.Н. Содействие совершению диверсии (ст. 281.1 УК РФ): отдельные аспекты уголовно-правовой характеристики

склонения, вербовки и иного вовлечения // Право и государство: теория и практика. 2025. URL:

9. Корниенкова М.Р., Дякина С.Н. Актуальные вопросы квалификации террористического акта // Вестник Московского университета МВД России. 2022. URL:

10. Косыгин В.Е. Мотивы и цели преступления и их поливариантное значение // Актуальные проблемы российского права. 2025. URL: https://sci.ru/articles/78058

11. Лопатина Т.М. Уголовная ответственность за содействие диверсионной деятельности и организацию диверсионного сообщества или участие в нем // Российский следователь. 2023. URL:

12. Пошелов П.В., Пестерева Ю.С. Уголовная ответственность за диверсию: пути совершенствования нормы через призму зарубежного и отечественного опыта // Военно-юридический журнал. 2024. URL: https://doi.org/10.18572/2070-2108-2024-6-18-22

13. Решняк М.Г., Боташева З.Х. Уголовно-правовые меры борьбы с диверсионной деятельностью: критический анализ законодательства // Теория и практика общественного развития. 2024. URL: https://doi.org/10.24158/tipor.2024.11.30

14. Рясов А.В. Проблемы квалификации диверсии в современных условиях и ее разграничение со смежными составами преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2026. URL: https://sci.ru/articles/77135

15. Самсонов В.Н., Верещагина Е.И. Отграничение диверсии от террористического акта, осуществляемых в период вооруженного конфликта, военных действий или иных действий с применением вооружения и военной техники // Российский следователь. 2026. URL: https://doi.org/10.18572/1812-3783-2026-6-37-41

16. Тамбиев А.М. К вопросу об ответственности за диверсию в российском уголовном праве // Право и практика. 2026. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otvetstvennosti-za-diversiyu-v-rossiyskom-ugolovnom-prave

Malyshev S.A.
student
Faculty of Law
Moscow University «Synergy»
(Moscow, Russia)

TERRORIST ACT AND SABOTAGE: DISTINGUISHING THEM BY DIRECTION OF INTENT AND PURPOSE OF THE CRIME

Abstract: *this study compares the elements of terrorist acts and sabotage under Articles 205 and 281 of the Criminal Code. Its aim was to identify legally significant criteria for distinguishing these offenses by direction of intent and specific purpose. Formal legal, comparative legal, and systems methods were used. Current criminal law provisions, guidance from the Supreme Court of Russia, and research published in 2022–2026 were examined. The findings show that similarity in the methods used to commit these offenses does not justify replacing proof of specific purpose with an inference based on the objective importance of the target or public reaction. For a terrorist act, the decisive factor is intent to destabilize the activities of government bodies or international organizations, or to influence their decisions. For sabotage, it is intent to undermine Russia's economic security and/or defense capability. The article proposes a step-by-step framework for legal classification that distinguishes the act committed, the target of the offense, motive, purpose, and the scope of each accomplice's intent. It offers recommendations for assessing evidence where alternative or mixed purposes are present. Particular attention is paid to the content of instructions and correspondence, the distinction between motive and purpose, and the need to avoid attributing an organizer's intent to a perpetrator without justification. The proposed criteria are intended to support reasoned legal assessments of specific evidence.*

Keywords: *terrorist act, sabotage, specific purpose, direction of intent, crime classification, subjective element, state security.*